ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2022, Том 2, №1

Подписано к публикации: 5.01.2022

Главный редактор журнала

***Балута Анастасия Анатольевна**, доктор филологических наук, доцент*

Члены редакционной коллегии

***Гасанова Узлипат Усмановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Горшунов Юрий Владимирович** (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор*
***Епифанцева Наталия Глебовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Жирова Ирина Григорьевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Мощева Светлана Васильевна** (РФ, г. Иванова) – доктор филологических наук, доцент*
***Никитина Татьяна Геннадьевна** (РФ, г. Псков) — доктор филологических наук, профессор*
***Павлова Ольга Александровна** (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент*
***Рогалёва Елена Ивановна** (РФ, г. Псков) –доктор филологических наук, доцент*
***Степанова Надежда Сергеевна** (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент*
***Султанбаева Хадиса Валиевна** (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент*
***Толкачев Сергей Петрович** (РФ, г. Москва)– доктор филологических наук, профессор*

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

E-mail: info@vfn-journal.ru
Сайт: https://vfn-journal.ru

© Вестник филологических наук, 2022

Содержание

Солопанова О.Ю., Целковников Б.М.
АВТОРЕФЛЕКСИЯ ЛИТЕРАТУРЫ КАК МЕХАНИЗМ
ТРАДИЦИОНАЛИЗАЦИИ ИСКУССТВА СЛОВА 4-11

Балута А.А.
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
С ПРИДАТОЧНЫМИ АТРИБУТИВНЫМИ, ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ И ВРЕМЕННЫМИ
КОНСТРУКЦИЯМИ В САНСКРИТЕ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ТЕКСТА И ПЕРЕВОДА БХАГАВАДГИТЫ) 12-19

Идрисова Н.П.
ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТОКА НА
ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 20-27

Мирзиева Л.Р., Шайхутдинова Е.Н., Йылмаз Э.Р.
КОНФУЦИАНСКИЙ ПРИНЦИП ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ «ЧЖУН ЮН»
КАК СРЕДСТВО МИТИГАЦИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ “不(太)+x”) 28-37

Солопанова О.Ю., доктор педагогических наук, профессор,
Заслуженный работник культуры Кубани,
Целковников Б.М., доктор педагогических наук, профессор,
Кубанский государственный университет

АВТОРЕФЛЕКСИЯ ЛИТЕРАТУРЫ КАК МЕХАНИЗМ ТРАДИЦИОНАЛИЗАЦИИ ИСКУССТВА СЛОВА

Аннотация: авторефлексия как явление актуализировалось в XX веке, что позволило Р. Барту охарактеризовать этот период как «возраст размышлений о том, что такое литература». Процесс охватил немало национальных литератур и отразился в известных произведениях, признанных классикой XX века, следовательно, явление не было периферийным, а наоборот находилось в фокусе художественных поисков. По мнению А. Кебы, в «метатекстовым образце, для которого характерны обширность повествования и попытки наратора осмыслить сущность того, что говорится, специфику самого процесса рассказывания и его влияния на слушателей», написанные знаковые произведения XX века. Содержание русской литературы XX века можно расширить, добавив к этому списку произведения, очертили самоидентификацию не одного поколения писателей и читателей: «Дар» В. Набокова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Москва-Петушки» Вен. Ерофеева, «Пушкинский дом» А. Битова, «Прогулки с Пушкиным» А. Синявского, «Бодался теленок с дубом» А. Солженицына и другие. Активизирует процесс самоопределения искусства слова и форсирования динамики, изменения художественных парадигм. Нарастание тенденции к ускорению стилевых пертурбаций осмысленно Д. Лихачевым на материале классической литературы], быстро появился и аналогично быстро видоизменился постмодернизм, зато «стилевой консенсус» 2000-х годов, принял его эстафету, заново заострил ориентиры творческой самоидентификации.

Ключевые слова: рефлексия, литература, развитие, контекст, современность

В связи с полномасштабностью процесса авторефлексии в литературе XX века ученые предлагают выбрать именно это явление в качестве призмы для рассмотрения понятие «хаоса» переходного состояния искусства слова [1]. М. Абашева отмечает, что картина развития современной литературы настолько сложная, что попытка найти объединительные начала в разнонаправленной динамике массивов, образующих литературу, кажется, на первый взгляд, почти безнадежной. Возможно потому, что центр картины сместился за ее раму, на шаткую грань искусства и жизни, в точку, что объединяет эти начала – в личность художника». Автор усматривает типологическое сходство двух переходных периодов – Серебряного века и 1990-х годов в этом важном аспекте-усиленных поисках литературой собственной новой идентичности. М. Абашева проводит важную параллель с характеристикой 1920-х годов, что дал им в свое время Б. Эйхенбаум: «Проблема литературы как таковой заслонилась проблемой писателя; актуальным стал вопрос не «как писать», а «как быть писателем». Обратившись к русской литературе

первой трети XX века, исследовательница указывает на «недостаточность традиционных подходов (метод, жанр, стиль)» и предлагает искать «новые пути, адекватные универсализму современного научного знания», к которым относит «надсистемные» и «надструктурные» категории «художественного сознания» (В. Заманская, М. Гаспаров, В. Тюпа), «художественного мышления» (В. Хрулев, З. Холодова), «цели сюжета» как «идеи времени» (Н.В. Барановская), метатекста. Одной из таких объединительных категорий, которые реализуются в поэтике произведения, является «литературная саморефлексия» [6].

Перспективность этого взгляда на изучение русской литературы 1970-2000-х кажется очевидной, учитывая обширность, разнообразие и инновационный характер метадискурса исследуемого периода, ускоренную динамику, что, безусловно, отражается в стилевом и жанровом своеобразии произведений, то есть не отрицает возможность частичного привлечения и традиционных подходов.

Авторефлексия литературы является универсальным механизмом традиционализации достижений искусства слова, обновления всей художественной парадигмы, а также – ракурсом осмысления культурных кризисов и эстетических изменений. Собственно всеохватности явления в литературе Нового и Новейшего времени позволяет выбрать этот феномен в качестве перспективы рассмотрения динамики и векторов художественного поиска искусства слова, особенно в переходные эпохи, знаменуются сменой идейных и эстетических ориентиров и устоявшихся методов научной рецепции искусства.

Самопознание писателя тесно связано с комплексом глобальных философских, культурологических и эстетических проблем, отражает смену картин мира, концепций человека и динамику типов художественного мышления. Непрерывный в литературе процесс метаописания имеет свои еще недостаточно изученные ритмы, формы и стратегии, определение и описание этих особенностей является актуальной научной задачей, которая обостряется в переломные этапы развития искусства слова и на фоне научной неопределенности [4].

В начале XXI в. культурологи и литературоведы опираются на явление авторефлексии как на научный инструментарий, хотя его определение до сих пор не имеет четкости. Если рефлексия соотносится с самосознанием личности, фокусируя процесс самопознания, раскрывающая внутреннюю архитектонику и своеобразие духовного мира человека, то авторефлексия – это рефлексивное отношение личности к самой себе. Авторефлексия литературы не концентрируется лишь в личностном пространстве самосознания писателя, ведь способность художника рефлексивно отнестись к себе является результатом эстетического освоения им себя через художественное творчество. Прежде всего это зафиксировано в произведениях исследования художником специфики своей творческой деятельности, ее особенностей, составляющими которого являются самоопись и самоанализ. Авторефлексия как направленность аналитической мысли писателя на специфику своего творчества, на изучение порождения произведения искусства интерпретируется учеными весьма неоднозначно.

Выбор исследуемого периода обуславливается тем, что авторефлексия литературы в 1970-е углубляется и достигает своего максимума в 2000-е гг. В последнее десятилетие она реализуется как в традиционных, так и в специфических формах. Доминирует метапроза (романы и повести: «Горящий рукав», «Чернильный ангел» В. Попова «Подлинная история “Зеленых музыкантов», Е. Попова, «Быть Босхом» А. Королева,

«Матисс» О. Ілічевського, «Медведки» М. Галиної, «Ложится мгла на старые ступени» О. Чудакова, «Псалом7» Ф. Горенштейна, «Ярмо» Ю. Буйди, «Текстообработка» К. Кобрина и другие). Подвергается подъему метадрама («Глаза дня», «Сахалинская жена» О. Греминой, «Бойтесь мартовских ид, или Заговорщики» Р. Фукса, «Я – идиотка» К. Васильевой, «Исстребление» К. Драгунской, «Играли «Ревизора» С. Росовецкого и другие). Развивается «филологический роман» («Твербуль, или Логово Вымысла», «Мальбург» С. Есина). Широкое распространение в 2000-е получило металитературное эссе (за образцы приныты: «Солженицын и Джеймс Бонд», «Маяковский как заложник самоубийства», «Шнитке» В. Ерофеєва, «Все, что называется биографией» М. Бутова, сборник Д. Быкова «Блуд труда», «Я был писателем-привидением...» В. Жукова), а также воспоминания и автобиографии, которые предлагают автоинтепретацию и художественный образ литературного поколения («Славный конец бесславных поколений» А. Наймана, «Годовые кольца» А. Битова, «Повесть о любви, подвигах и преступлениях старшины Нефедова» Л. Бородина, «В соблазнах кровавой эпохи» Н. Коржавина) [2].

Формирование, изменение и синтез различных типов художественного мышления, стилевых систем на рубеже XX-XXI вв. (постмодернизма, необарокко, различных течений модифицированного модернизма, «нового» реализма) также повлияли на актуализацию отдельных форм авторецепций литературы. В частности, широкое распространение получили стилизации, пародии, самопародии, пасквили, интерпретационные тексты, объединенные центральной темой творчества и стратегией просмотра художественных ориентиров (драмы «Башмачкин. Чудо шинели», «Русская народная почта» О. Богаева, «Нет повести печальнее на свете…» С. Кузнецова и А. Богаева, «Барышня», «Влюбленный дьявол», «Сила волос» Н. Садур; «Валентинов день» И. Вырыпаева; «Горе и умняк» Д. Быкова; «А. Каренин» В. Сигарева; «Поспели вишни в саду у дяди Вани» В. Забалуева, О. Зензинова; «Мой вишневый садик» А. Слаповского, «Смерть Ивана Ильича» М. Угарова). В этом же лирически-пародийном аспекте написаны прозаические постмодернистские тексты, осмысливают близкие им традиции, например, раблезианские («Повесть о Рабле, или Лесопильщик» В. Березина), гоголевский («Кролик, или Вечер накануне Ивана Купалы» В. Березина), розановмские («Розановый сад» В. Тучкова, «В русском жанре» С. Боровикова), битовские («Непрочитанный Битов. Сказка о колобке» И. Клеха), синтез традиций (роман-пародия «Птица Карлсон» В. Березина). В подобных произведениях речь может идти о провокационном тоне воздействия классики на молодых авторов («Экзорцист» Д. Быкова), создаются карикатурные портреты писателей-современников из псевдопретензий на выявление характерных для настоящего типов творческого поведения («Конвент» В. Березина). В конце концов, в аналогичной постмодернистской манере, а также в стилистике Розанова написан вершинный роман о поисках национальной и художественной идентичности – гипертекст Д. Галковского «Бесконечный глухой угол» [10].

Позиции современного метадискурса существенно усилил на рубеже веков развитие биографической литературы, созданной писателями о писателях, литературе, что находилась на грани научной и художественной сфер с явным наклоном до последней. К этому ряду относим книги, оживленно обсуждавшиеся в критике: «Борис Пастернак» и «Булат Окуджава» Д. Быкова, «Леонид Леонов» З. Прилепина, «Лев Толстой: бегство из рая», «Страсти по Максиму. Горький: девять дней после смерти» П.

Басинского, «Лев Гумилев» С. Белякова и другие. Развитие метадискурса в этом процессе стимулирует также совместная интенция литературы к подведение концептуальных и эстетических выводов развития искусства слова. Образцом выражения тенденции стало создание учебника «Литературная матрица. Учебник, написанный писателями», тома которого посвящены выдающимся лицам XIX и XX вв. и состоят из металитературных эссе, иногда полярных по смыслу, провокационных, содержащих разнообразные интерпретации наследия классиков, их места в литературном процессе, новаторства, влияние на молодые поколения [5].

Современный метадискурс обогатился именно в 2000-е еще одним подходом: авторефлексией молодых писателей, которые стараются не только осмыслить художественное наследие, но и определить собственную специфику, создать типичный образ писателя своей генерации, миф о молодом художнике и его взаимоотношениях со стремительно меняющимся миром (рассказ «Вперед и вверх на севших батарейках», «Афинские ночи», «Проект», «Чужой» Г. Сенчина, сборник «Книга без фотографий» С. Шаргунова, «Творец» С. Гуцко, «Экзорцист» Д. Быкова и другие). Показательным является также общая интенция осмыслить себя как единое поколения, что отразилось в создании литературных манифестов («Отрицание траура» С. Шаргунова), написании тематических эссе («К нам едет Пересвет: отчет за нулевые», Д. Быков «Блуд труда», «Прощай, кукушка» З. Прилепина), упорядочении сборников интервью, объединенных общей задачей – поиском коллективной писательской идентичности («Имена сердца. Разговоры с русской литературой» З. Прилепина), антологии прозы и поэзии молодежи («Десятка: антология современной русской прозы», «Антология прозы двадцатилетних», «Девять измерений. Антология новейшей русской поэзии») [3].

Векторы и формы авторефлексии русской литературы изучены пунктирно, однако имеющиеся результаты исследований определенных этапов и периодов в этом аспекте дают важные методологические ориентиры. Наиболее освещенными остаются авторские поэтики классиков, например, метатекстуальные рефлексии лирических героев поэзии А. Пушкина, М. Лермонтова, М. Некрасова, Ф. Тютчева; метатекстовые размышления «авторов» в лирических отступлениях «Евгения Онегина» и «Мертвых душ» и др. Исследователи считают, что процессы авторефлексии наиболее свойственны для масштабных писателей – «первопроходцев». Так, В. Петров, опираясь на опыт изучения произведений М. де Сервантеса, Л. Стерна и А. Пушкина, подчеркивает системный характер феномена именно в творчестве новаторов. Полагаем, что опыт изучения литературы XX в. в этом аспекте, учитывая распространение явления, неоднократные изменения писательской идентичности, может продемонстрировать процессы приобретения массовости, рутинизации, реконструкции, повторной актуализации творческих ориентиров авторефлексии, к тому же не только в творчестве новаторов, но и писателей менее известных [9].

Проблема поднималась и в связи с исследованием конкретных жанров, в которых взгляд художника слова на себя и литературу оформляется органично. Это письма, дневники, мемуары, эссе (особое внимание было сосредоточено на новаторских для своего времени произведениях, например, в «Записках русского путешественника» Н. Карамзина, «Былом и думах» О. Герцена, «Дневнике писателя» Ф. Достоевского и др). Важные попытки обобщения возможностей этих жанров в плоскости авторефлексии

литературы осуществлены в студиях Л. Гинзбург «О психологической прозе», Т. Печерской «Разночинцы шестидесятых годов XIX век: феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики (мемуары, дневники, письма, беллетристика)». Методологически важным является вывод о том, что межевые жанры актуализируются именно в кризисные периоды, становятся объектами активного эксперимента, а приобретенный опыт авторефлексии и психологического анализа впоследствии широко используется беллетристикой, развивающимся романом [8].

В аспекте освещения отдельного периода в названном аспекте наиболее изученным оказывается Серебряный век русской литературы, а также модернистская парадигма в целом. Именно в это время, как свидетельствуют исследователи, усиливается метатекстовая ориентация произведений, что связано с реализацией новаторских творческих установок: на главенство искусства над жизнью, на признание магических моделирующих свойств литературы. Это отражено в признанной многими писателями модели творца-демиурга, в акцентировании личностного, субъективного начала, признание приоритета внутренней жизни, внутреннего «коллизии» над внешними условиями. Отсюда и метатекстовый характер творчества символистов и постсимволистов; ориентация на новизну, на принципиально иной, чем в реализме, принцип создания эстетической реальности, оказывающейся тесно связанной с осознанием писателями своей специфической роли, обусловливая повышенный уровень авторефлексии и тяготение к метатекстам. Эту особенность ученые неоднократно отмечали. Например, З. Минц в труде «Индивидуальный творческий путь и типология культурных кодов» обосновывает общий «метатекстовый» характер творчества символистов, указывая, что между произведением и реальностью располагается метатекстовая конструкция (теоретические предпосылки, авторский миф и прочее). Степень проявления авторецепции в русском модернизме оказывается настолько сильной, а единство метадискурса и художественного эксперимента настолько убедительной, что это позволяет исследователям вычленить отдельные периоды символизма и постсимволизма в зависимости от характера, моделей и форм авторефлексии писателей. Так, Н. Пустыгина соответственно именно с этим критерием (автомифологизации, автоисторизации) выделяет периоды создания общего мифа искусства и творчества, появление индивидуальных частных мифов, их переосмысление и деконструкцию и говорит о символизме как о «метаметалитературе». С этой позицией во многом резонируют размышления известного исследователя русского символизма А. Ханзен-Леве. Ускоренная динамика символизма также иллюстрируется авторефлексивными текстами, демонстрируется разрыв в интерпретации писателями природы и миссии литературы, различные векторы автоисторизации и автомифилогизирования: «Почти десять лет после статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» последнюю фазу процесса автоисторизации и канонизации символизма маркирует (если ограничиться одним единственным примером) поэма Андрея Белого «Первое свидание». Этот процесс достигает своей наивысшей точки и завершается в великих мемуарных произведениях Белого 20-30-х годов». Важнейшим итогом рассмотрения авторефлексии Серебряного века в структурно-семиотическом русле стало описание знакового (символического, мотивного) кода авторефлексии, определение роли авторской маски и классификация этих масок, то есть фактически определен художественный язык метаописи, присущий этому периоду. В научной литературе отмечается углубление символистского опыта

саморефлексии в течениях, которые собственно и задают перспективу такого развития и обнажают механизмы традиционализации и обновления литературы. Именно такой характер метадискурса, по мнению Р. Тименчика, характерен для акмеизма, в котором четко проглядывает «установка текста на самопознание», «мотивировка его права на существование», «рефлексия над собственными генеративными. ... и типологическими параметрами». Первоисточник утверждает, что акмеисты продолжают в этом процессе именно традиции символизма с его металитературными рефлексиями: «Текст у акмеистов является одновременно рассказом о событиях и рассказом о рассказе По сравнению с другими текстами, то есть сбалансированное соотношение собственно текстового и» цитатного» аспектов» [7].

Опыт самосознания литературы Серебряного века и научной рецепции этого явления, безусловно, должен учитываться при изучении современного искусства слова в силу типологической схожести переходных периодов и усиленного внимания писателей к заново открытой наследия модернизма. На сегодня это реализуется исследователями в ряде конкретных аспектов, в частности в изучении различных векторов диалога с классическим наследием: первый – продолжение «семантической поэтики» в творчестве неоакмеистов, реализация принципов «текста в тексте», использование подобных параметров творческой маски, второй – признание через отрицание у неоавангардистов, распространение характерных форм рефлексии наследия и авторефлексии – стилизации, пасквиля, римейка, пародии. Оба вектора ярко отразились в поисках писателей-постмодернистов исследуемого периода, что в будущем может стать предметом отдельного исследования.

Литература

1. Акопова Ю.А. Нейронная лирика в контексте постмодернистской эстетики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 8. С. 2401 – 2405. DOI 10.30853/phil210420

2. Василевич Е. Культурное поколение в литературном процессе: аспекты научной рефлексии // European Journal of Literature and Linguistics. 2020. № 1-2. С. 17 – 23. DOI 10.29013/EJLL-20-1.2-17-23

3. Гилева Е.В. Проблема качественной экспертизы художественного текста читателем-непрофессионалом // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 12-2. С. 118 – 120.

4. Жилинка В.В. Проблемно-тематическое поле антиутопии начала XXI века // Актуальные проблемы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: Материалы III Международной научно-практической конференции (докторантов, аспирантов и магистрантов), Краснодар, 21 апреля 2018 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. С. 216 – 220.

5. Самсонова Н.В. Феномен интертекстуальности в литературном образовании // Литература в школе. 2020. № 1. С. 79 – 88. DOI 10.31862/0130-3414-2020-1-79-88

6. Спирова Э.М. Феномен культуры как объект осмысления в постсоветский период // Философия и культура. 2017. № 7. С. 88 – 99.

7. Тищенко М.В. Роль читателя в понимании и интерпретации художественного текста // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации: Сборник научных трудов: в 2-х т. Ярославль, 16-18 ноября 2017 года / Под общей ред. Н.В. Аниськиной, Л.В. Уховой. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2017. С. 150 – 156.

8. Тищенко М.В. Роль читателя в понимании и интерпретации художественного текста // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации: Сборник научных трудов: в 2-х т. Ярославль, 16-18 ноября 2017 года / Под общей ред. Н.В. Аниськиной, Л.В. Уховой. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2017. С. 150 – 156.

9. Фомичев С.А. Тип беспокойного человека в русской литературе // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 246 – 260. DOI 10.22455/2541-8297-2021-21-246-260

10. Черняк М.А., Саргсян М.А. "Как мы Пишем", или проблема литературного самосознания // Сибирский филологический форум. 2021. № 2 (14). С. 67 – 79. DOI 10.25146/2587-7844-2021-14-2-79

References

1. Akopova Ju.A. Nejronnaja lirika v kontekste postmodernistskoj jestetiki. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. T. 14. № 8. S. 2401 – 2405. DOI 10.30853/phil210420

2. Vasilevich E. Kul'turnoe pokolenie v literaturnom processe: aspekty nauchnoj refleksii. European Journal of Literature and Linguistics. 2020. № 1-2. S. 17 – 23. DOI 10.29013/EJLL-20-1.2-17-23

3. Gileva E.V. Problema kachestvennoj jekspertizy hudozhestvennogo teksta chitatelem-neprofessionalom. Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki. 2018. № 12-2. S. 118 – 120.

4. Zhilinka V.V. Problemno-tematicheskoe pole antiutopii nachala HHI veka. Aktual'nye problemy sovremennoj filologii: teorija, praktika, perspektivy razvitija: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (doktorantov, aspirantov i magistrantov), Krasnodar, 21 aprelja 2018 goda. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 216 – 220.

5. Samsonova N.V. Fenomen intertekstual'nosti v literaturnom obrazovanii. Literatura v shkole. 2020. № 1. S. 79 – 88. DOI 10.31862/0130-3414-2020-1-79-88

6. Spirova Je.M. Fenomen kul'tury kak ob#ekt osmyslenija v postsovetskij period. Filosofija i kul'tura. 2017. № 7. S. 88 – 99.

7. Tishhenko M.V. Rol' chitatelja v ponimanii i interpretacii hudozhestvennogo teksta. Chelovek v informacionnom prostranstve: ponimanie v kommunikacii: Sbornik nauchnyh trudov: v 2-h t. Jaroslavl', 16-18 nojabrja 2017 goda. Pod obshhej red. N.V. Anis'kinoj, L.V. Uhovoj. Jaroslavl': Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K.D. Ushinskogo, 2017. S. 150 – 156.

8. Tishhenko M.V. Rol' chitatelja v ponimanii i interpretacii hudozhestvennogo teksta. Chelovek v informacionnom prostranstve: ponimanie v kommunikacii: Sbornik nauchnyh trudov: v 2-h t. Jaroslavl', 16-18 nojabrja 2017 goda. Pod obshhej red. N.V. Anis'kinoj, L.V. Uhovoj. Jaroslavl': Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K.D. Ushinskogo, 2017. S. 150 – 156.

9. Fomichev S.A. Tip bespokojnogo cheloveka v russkoj literature. Literaturnyj fakt. 2021. № 3 (21). S. 246 – 260. DOI 10.22455/2541-8297-2021-21-246-260

10. Chernjak M.A., Sargsjan M.A. "Kak my Pishem", ili problema literaturnogo samosoznanija. Sibirskij filologicheskij forum. 2021. № 2 (14). S. 67 – 79. DOI 10.25146/2587-7844-2021-14-2-79

Solopanova O.Yu., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Honored Worker of Culture of Kuban,
Tselkovnikov B.M., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Kuban State University

AUTOREFLEXION OF LITERATURE AS A MECHANISM FOR THE TRADITIONALIZATION OF THE ART OF WORDS

Abstract: autoreflexion acquired a special intensity in the twentieth century, which allowed R. Barth to characterize this period as «the age of thinking about what literature is». The process covered many national literatures and was reflected in famous works recognized as classics of the twentieth century, therefore, the phenomenon was not peripheral, but on the contrary was in the focus of artistic searches. According to A. Keba's example, in the «meta-textual sample, which is characterized by the vastness of the narrative and narator's attempts to comprehend the essence of what is being said, the specifics of the storytelling process itself and its impact on listeners,» the iconic works of the twentieth century were written. The content of Russian literature of the twentieth century can be expanded by adding to this list works that have outlined the self-identification of more than one generation of writers and readers: «The Gift» by V. Nabokov, «Doctor Zhivago» by B. Pasternak, «Moscow-Petushki» by Ven. Yerofeyev, «Pushkin's House» by A. Bitov, «Walks with Pushkin» by A. Sinyavsky, «Butted calf with oak» by A. Solzhenitsyn and others. Activates the process of self-determination of the art of words and forcing dynamics, changing artistic paradigms. The growing tendency to accelerate stylistic perturbations is meaningfully explained by D. Likhachev on the material of classical literature], postmodernism quickly appeared and similarly quickly changed, but the «style consensus» of the 2000s took over its baton, re-sharpened the guidelines of creative self-identification.

Keywords: reflection, literature, development, context, modernity

Балута А.А., доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ АТРИБУТИВНЫМИ, ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ И ВРЕМЕННЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ В САНСКРИТЕ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА И ПЕРЕВОДА БХАГАВАДГИТЫ)

Аннотация: в данной статье рассматриваются структурно-функциональные особенности употребления в санскрите сложноподчиненных предложений с придаточными атрибутивными, изъяснительными и временными. По результатам сопоставительного анализа нескольких сложноподчиненных предложений присловной и приосновной структуры в санскрите и их перевода на русский язык можно заключить, что в древнеиндийском языке периода Бхагавадгиты отчасти уже были сформированы несколько основных типов сложноподчиненных предложений с придаточными нерасчлененной структуры (атрибутивные, местоименно-соотносительные и изъяснительные). При этом часто наблюдается смешение структур простого и сложного предложений, использование описательных глагольных и именных оборотов, полупредикативных конструкций с двойными падежами и конструкции «именительный/винительный» падеж + причастие, что также часто встречается в иных древних индоевропейских языках и представляет собой аналоги определенных типов придаточных. В сложноподчиненных предложениях с придаточными времени в качестве альтернативы формирующимся придаточным конструкциям также часто выступают конструкции переходного типа: причастные и деепричастные обороты, в том числе Locativus absolutus.

Ключевые слова: сложное предложение, придаточные атрибутивные, изъяснительные, временные, санскрит, русский язык, Бхагавадгита

В ряде статей, посвященных анализу синтаксических особенностей текста Бахгавадгиты и ее перевода на русский язык мы преимущественно рассматривали структурно-функциональные особенности простых предложений санскрита, что во многом объясняется самим грамматическим строем древнеиндийского языка, который по праву признается языком с большим тяготением к синтетизму. Следовательно, преобладание паратаксиса над гипотаксисом в этой системе можно назвать вполне закономерным явлением, а в области гипотаксиса наблюдается ранняя его стадия, характеризующаяся превалирующим числом бессоюзной связи, в то время как подчинительные союзы и типы придаточных конструкций, связанных с ними, только начинали формироваться. Однако следует признать, что уже в санскрите периода Бхагавадгиты можно найти несколько основных типов сложноподчиненных предложений, присловных и приосновных. Изучению структурно-семантических особенностей некоторых из них и будет посвящена данная статья.

В первую очередь рассмотрим несколько примеров сложноподчиненных предложений с придаточными нерасчлененной структуры, а именно, сложноподчиненные предложения с **атрибутивными, местоименно-соотносительными и местоименно-союзными и изъяснительными придаточными конструкциями.**

1. О Ачьюта, выведи мою колесницу между двух ратей, чтобы я смог рассмотреть стоящих здесь, жаждущих битвы, с которыми мне придется сражаться в этой войне [1, 1.22].

यावद् एतान् yāvad etān nirīkṣe ’ham

योद्धुकामान् अवस्थितान्। yoddhukāmān avasthitān

कैर् म्या सह योद्धव्यम् kāir mayā saha yoddhavyam

अस्मिन् र्णसमुद्यमे ॥ Asmin raṇasamudyame [2, p. 60].

Выделение придаточных атрибутивных предложений в древних языках, склонных к синтетизму, представляет собой довольно сложный и неоднозначный процесс. Так как в древних языках, как правило, гипотаксис находился в стадии становления, можно отметить частое употребление простых конструкций вместо сложных (в переводах), либо смешение структур простого и сложного предложений. Так в данном примере конструкция कैर् म्या सह योद्धव्यम् “kāir mayā saha yoddhavyam”, которая в переводах интерпретируется как придаточное атрибутивное «с которыми мне придется сражаться в этой войне», также может восприниматься как простое вопросительное предложение «С кем мне придется сражаться в этой войне?».

Подобная ситуация наблюдается и в английском переводе:

“Until I behold these warriors, Battle-hungry and arrayed. With whom must I fight In undertaking this battle?” [2, p. 60].

«Пока я не увижу этих воинов, жаждущий битвы и готовый к бою, С кем мне придется сражаться в этой войне» (букв.).

2. Я хочу увидеть тех, кто собрался здесь для сражения, желая угодить злоумному сыну Дхритараштры [1, 1. 23].

योत्स्यमानान् अवेक्षे ऽहं yotsyamān avekṣe ’haṁ

य एते ऽत्र समागताः। ya ete ’tra samāgatāḥ

धार्तराष्ट्रस्य दुर्बुद्धेर् dhārtarāṣṭrasya durbuddher

yuÏe iàyaickI;Rv>. Yuddhe priyacikīṣavaḥ [2, p. 61].

В этом примере структура сложноподчиненного предложения с придаточным атрибутивным видна лучше: य एते ऽत्र समागताः “ya ete ’tra samāgatāḥ” «кто собрался здесь для сраженья». При этом данную конструкцию можно классифицировать как местоименно-соотносительное, так как в предыдущей строке в составе сандхи योत्स्यमानान् “yotsyamān” есть указательное местоимение.

3. Кто считает, что она убивает, и кто полагает, что ее можно убить, – оба пребывают в заблуждении [1, 2.19].

य एनं वेत्ति हन्तारं ya enaṁ vetti hantāraṁ

यश्चैनं मन्यते हतम्, yaścāinaṁ manyate hatam

उभौ तौ न विजानीतो ubhau tāu na vijānīto

नायं हनित न हन्यते ॥ nāyaṁ hanti na hanyate [2, p. 104].

В этом примере санскрита можно увидеть привычную структуру придаточного атрибутивного, вводимого союзным словом в форме косвенного падежа. Однако для этого следует сделать буквальный перевод: «Кто, которого считают убийцей, и кто, которого считают убитым, они оба не знают, ни кто убийца, ни кто убит.

4. О Партха, счастливы те кшатрии, которым выпадает на долю такая битва, открывающая врата рая [1, 2.32].

यदृच्छया चोपपन्नं yadṛcchayā copapannaṁ

स्वर्गद्वारम् अपावृतम्। svargadvāram apāvṛtam

सुखिनः क्षत्रियाः पार्थ sukhinaḥ kṣatriyāḥ pārtha

लभन्ते युद्धम् ईदृशम् ॥ Labhante yuddham īdṛśam [2, p. 117].

В этом примере мы опять видим случай смешения простой и сложной конструкции: семантика сложного предложения с придаточным атрибутивным раскрывается в атрибутивной конструкции без контактного союзного слова:

सुखिनः क्षत्रियाः पार्थ sukhinaḥ kṣatriyāḥ pārtha «Счастливы кшатрии, о Пратха»,

लभन्ते युद्धम् ईदृशम् ॥ Labhante yuddham īdṛśam «(которые) сталкиваются с такой битвой».

5. О лучший из людей, тот человек, который безучастен к этому, кто неизменен в счастье и горе, терпелив, – достоин бессмертия [1, 2.15].

यं हि न व्यथयन्त्येते yaṁ hi na vyathayantyete

पुरुषं पुरुषर्षभ। puruṣaṁ puruṣarṣabha

समदुःखसुखं धीरं samaduḥrasurhaṁ dhīraṁ

सो ऽमृतत्वाय कल्पते ॥ So ’mṛtatvāya kalpate [2, p. 100].

В тексте на санскрите придаточное атрибутивное यं हि न व्यथयन्त्येते “yaṁ hi na vyathayantyete” «кто/который безучастен к этому» находится в препозиции к главной части. Это явление не распространено в современном русском языке, хотя такие конструкции иногда употребляются: «Кто опоздает на урок, пусть подождет на улице!». В русском переводе данная конструкция интерпретируется как местоименно-соотносительное сложное предложение.

А следующий пример демонстрирует нам именно сложноподчиненное местоименно-соотносительное предложение. Для санскрита Бхагавадгиты это не очень распространенное явление, но в данном случае структурно аналогичное русскому переводу.

6. Знай, неразрушимо то, что все пронизывает [1, 2.17].

अविनाशि तु तद् विद्धि avināśi tu tad viddhi

येन सर्वम् इदं ततम्। yena sarvam idam tatam

विनाशम् अव्ययस्यास्य vināśam avyayasyāsya

न कश्चित् कर्तुम् अर्हति ॥ Na kaścit kartum arhati [2, p. 102].

Структура этого предложения содержит как соотносительное слово, относящееся к главной части तद् “tad” «то», относительное местоимение येन “yena” «чем», стоящее в тексте санскрита в форме инструментального (=Творительного) падежа. Буквально можно перевести «…то, чем все пронизано».

Сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными

1. Я молю Тебя, скажи точно, что лучше для меня. [1, 2.7]

कार्पण्यदेषोपहतस्वभावः kārpaṇyadoṣopatasvabhāvaḥ

पृच्छामि त्वां धर्मसंमूढचेताः। pr̥cchāmi tvāṁ dharmasaṁmūḍhacetāḥ

यच्छ्रेयः स्यान् निश्चितं ब्रूहि तन् मे yacchreyaḥ syān niścitaṁ brūhi tan me

शिष्यस् ते ऽहं शाधि मां त्वां प्रपन्नम्॥ Śiṣyas te ’haṁ śādhi māṁ tvāṁ prapannam [2, p. 92].

В этом примере можно увидеть в составе общего синтаксического целого придаточное изъяснительное с союзным словом यद् “yad” «что» в составе сандхи **यच्छ्रेयः “yacchreyaḥ”** «что (будет) лучше».

2. Кто считает, что она убивает, и кто полагает, что ее можно убить, – оба пребывают в заблуждении [1, 2.19].

य एनं वेत्ति हन्तारं ya enaṁ vetti hantāraṁ

यश्चैनं मन्यते हतम् । yaścāinaṁ manyate hatam

उभौ तौ न विजानीतो ubhau tāu na vijānīto

नायं हनित न हन्यते ॥ nāyaṁ hanti na hanyate [2, p. 104].

В данном примере употреблена конструкция **Двойной винительный** вместо придаточного «Кто, которого считают убийцей, и кто, которого считают убитым, они оба не знают, ни кто убийца, ни кто убит.

3. Как, о Партха, может человек, знающий, что душа неразрушима, вечна, нерожденна и неизменна, убить или заставить кого-либо убивать? Говорится, что она непроявленна, непостижима и неизменна [1, 2.25]

अव्यक्तो ऽयम् अचिन्त्यो ऽयम् Avyakto ’yam acintyo ’yam

अविकार्यो ऽयम् उच्यते । avikāryo ’yam ucyate

तस्माद् एवं विदित्वैनं tasmād evaṁ viditvāinaṁ

नानुशोचितुम् अर्हसि ॥ nānuśocitum arhasi [2, p. 110].

В этом примере можно увидеть аналог индоевропейского полупредикативного оборота **Именительный с причастием**, который был распространен в таких древних языках, как древнегреческий, старославянский, древнерусский. В латыни при менее развитой системе причастий употреблялся Nominativus cum infinitivo, но суть та же. В санскрите в данном случае в полупредикативной конструкции наравне с причастием употребляются деепричастия.

Придаточные изъяснительные чаще передаются посредством различных полупредикативных конструкций.

Далее рассмотрим один из самых распространенных видов сложноподчиненных предложений конструкциями расчлененной структуры – **сложноподчиненные предложения с придаточными времени.** Частотность употребления таких предложений в тексте Бхагавадгиты очень высока.

1. О Санджая, что сделали мои сыновья и сыновья Панду, когда собрались в священном месте, на Курукшетре, желая сраженья? [1, 1.1.].

धर्मशेत्रे कुरुशेत्रे dharmakṣetre kerekṣetre

समवेता युयुत्सवः । samavetā yuyutsavaḥ

मामकाः पाण्डवाश्चैव māmakāḥ pāṇḍavāś cāiva

किम् अकुर्वत **संजय** ॥ Kim akuruvata **saṁjaya** [2, p. 73].

Данный пример хорошо демонстрирует возможности передачи сложной временной конструкции средствами простого предложения с помощью причастного оборота धर्मशेत्रे कुरुशेत्रे dharmakṣetre kerekṣetre समवेता युयुत्सवः । samavetā yuyutsavaḥ «собравшиеся вместе на поле Куру, в священном месте»= «когда собрались на поле Куру, в священном месте». В условиях преобладания паратаксиса, обычного для большинства древних языков, такие конструкции, альтернативные различным сложноподчиненным предложениям, встречались довольно часто.

2. Когда Арджуна увидел сошедшихся вместе родных, он преисполнился сострадания и сказал, сокрушаясь [1, 1.27].

श्वशुरान् सुहृदश्चैव śvaśurān suhṛdaścāiva

सेनयोर् उभयोर् अपि । senayor ubhayor api

तान् समी स कौन्तेयः tān samīkṣya sa kāunteyaḥ

सर्वान् बन्धून् अवस्थितान् ॥ sarvān bandhūn avasthitān [2, p. 65].

В этом примере в качестве альтернативы более поздним временным придаточным используется деепричастный оборот «увидев сошедшихся вместе родных».

3. Затем Арджуна, на флаге которого изображен Хануман, взглянул на сыновей Дхритараштры, выстроенных в боевом порядке, и поднял свой лук, готовясь к перестрелке [1, 1.20].

अथ व्यवास्थतान् दृष्ट्वा atha vyavasthitān dṛṣṭvā

धार्तराष्ट्रान् कपिध्वजः । dhārtarāṣṭrān kapidhvajaḥ

प्रवृत्ते शस्त्रसंपाते pravṛtte śastrasaṁpāte

धनुर् उद्यम्य पाण्डवः ॥ Dhanur udyamya pāṇḍavaḥ [2, p. 58].

В этом примере вместо временного придаточного употребляется полифункциональный полупредикативный оборот Locativus absolutus प्रवृत्ते शस्त्रसंपाते “pravṛtte śastrasaṁpāte” «когда начался лязг оружия/в грядущем столкновении оружия». Временные конструкции во многих древних языках (санскрит, древнегреческий, латынь, старославянский, древнерусский и др.) довольно часто выражались полупредикативными самостоятельными оборотами, чаще имели в своем составе причастия, однако в качестве «логического сказуемого» такой конструкции могли использоваться различные глагольные имена, как в данном случае. Русский перевод данной строфы не передает полностью особенностей строения предложения, поэтому приводим английский и буквальный русский переводы.

“Then, Arjuna, having seen the sons of Dhritarashtra Drawn up in battle array, Raised his bow as the clash of weapons began” [B.G., p. 58].

«Затем Арджуна, увидев сыновей Дхритараштра Выстроились в боевой порядок, Поднял свой лук, когда начался лязг оружия» (букв.).

По результатам сопоставительного анализа нескольких сложноподчиненных предложений присловной и приосновной структуры в санскрите и их перевода на русский язык можно заключить, что в древнеиндийском языке периода Бхагавадгиты отчасти уже были сформированы несколько основных типов сложноподчиненных предложений с придаточными нерасчлененной структуры (атрибутивные, местоименно-соотносительные и изъяснительные). При этом часто наблюдается смешение структур простого и сложного предложений, использование описательных глагольных и именных оборотов, полупредикативных конструкций с двойными падежами и конструкции «именительный/винительный» падеж + причастие, что также часто встречается в иных древних индоевропейских языках и представляет собой аналоги определенных типов придаточных. В сложноподчиненных предложениях с придаточными времени в качестве альтернативы формирующимся придаточным конструкциям также часто выступают конструкции переходного типа: причастные и деепричастные обороты, в том числе Locativus absolutus.

Литература

1. Бхагавадгита. Санскритский текст. Перевод Б.Л. Смирнова. М.: Сиринъ садхана», 2000. 352 с.

2. The Bhagavad Gıta / translated by Winthrop Sargeant; edited and with a preface by Christopher Key Chapple; foreword by Huston Smith. Excelsior Editions is an imprint of State University of New York Press, 2009. 799 p.

References

1. Bhagavadgita. Sanskritskij tekst. Perevod B.L. Smirnova. M.: Sirin# sadhana», 2000. 352 s.

2. The Bhagavad Gıta. translated by Winthrop Sargeant; edited and with a preface by Christopher Key Chapple; foreword by Huston Smith. Excelsior Editions is an imprint of State University of New York Press, 2009. 799 p.

Baluta A.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Moscow Region State University

COMPARATIVE ANALYSIS OF COMPLEX SENTENCES WITH SUBORDINATE ATTRIBUTIVE, EXPLANATORY AND TEMPORAL CONSTRUCTIONS IN SANSKRIT AND RUSSIAN (BASED ON THE TEXT AND TRANSLATION OF THE BHAGAVAD GITA)

Abstract: this article discusses the structural and functional features of the use in Sanskrit of complex sentences with subordinate attributive, explanatory and temporal. According to the results of a comparative analysis of several complex sentences of the literal and the basic structure in Sanskrit and their translation into Russian, it can be concluded that in the ancient Indian language of the Bhagavad Gita period, several basic types of complex sentences with subordinate clauses of an undifferentiated structure (attributive, pronominal-correlative and explanatory) have already been partially formed. At the same time, there is often a mixture of structures of simple and complex sentences, the use of descriptive verb and nominal turns, semi-predicative constructions with double cases and the construction of the "nominative /accusative" case + participle, which is also often found in other ancient Indo-European languages and represents analogues of certain types of adjuncts. In complex sentences with time adjuncts, transitional constructions are also often used as an alternative to the emerging subordinate constructions: participial and adverbial turns, including Locativus absolutus.

Keywords: complex sentence, attributive, explanatory, temporary, Sanskrit, Russian, Bhagavad Gita

Идрисова Н.П., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТОКА НА ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: в XXI веке перед мировым сообществом стал вопрос о национальной идентичности и ее места в глобализирующемся мире. Казалось бы, национальные государства должны остаться в прошлом. Но история заготовила свой сценарий развития геополитической реальности – XX-XXI вв. можно назвать периодом националистического подъема в мире в целом. Будет неправильно считать время обострения национализма периодом кризиса наций, когда начиная с Европы до Индокитая, включая Арабские страны мир начал делиться на национальные государства. За прошедший век количество национальных государств увеличилось в разы, к примеру, одна Югославия распалась на шесть национальных государств, а Советский Союз – на 15 национальных государств, включая Российскую Федерацию.

Распад СССР для России стал катастрофой гражданского самосознания. В поисках восполнения урона российского самосознания, отечественные исследователи пытались найти основополагающие составляющие национальной идентичности в предыдущих исторических эпохах.

Статья посвящена становлению и развитию гражданской идентичности и влиянию информации и его носителей на формирование личности и индивидуальной идентичности.

Ключевые слова: информация, коммуникация, средства коммуникации, средства информации, глобализация, гражданство, страна, идентичность, нация, этнос, человек, ресурсы, манипуляция, Интернет

«Я» и «Мы» – два понятия соотношения индивида в группе, в которых можно наблюдать как относительную самостоятельность, так и дихотомичность. Человек с рождения обнаруживает себя членом какой-либо группы, общества. С малых лет идет процесс отождествления себя с членами и традициями группы.

В психологии эго-идентичность рассматривается как непрерывность и тождественность «Я», целостность личности, которая сохраняется, несмотря на изменения, происходящие в процессе развития и роста.

Каждому индивиду вне зависимости от возраста, пола и образования важно ощутить себя частью «Мы», свой социальный статус.

Обычно человек это ищет в своем окружении, социальной группе, сообществе с устойчивым статусом и стабильностью. Отсюда он строит модель поведения, усваивает определенные мировоззренческие установки. Участие в такой общности обеспечивает каждому члену группы необходимые условия для формирования «своей» идентичности.

В.А. Тишков определяет идентичность как понятие, близкое к самосознанию. Идентичность, считает он, это чувство принадлежности к определенной общности будь это народ, страна, религиозная группа, коллектив, национальность или же культуре, включая сюда, в том числе, религиозную веру и общественное движение. У каждого человека в зависимости от возраста, пола и профессии может существовать целый

комплект идентичностей. В качестве основной В.А. Тишков выделяет гражданскую идентичность, куда входят связь со страной, большой и малой родиной, чувство патриотизма (национальная и этническая идентичность) [5].

В научной литературе нет единого мнения относительно понимания гражданской идентичности.

Т.В. Водолажская отмечает гражданскую идентичность как единство интересов индивида с социальной общностью, которая выполняет как защитную функцию, так и функцию самореализации [3].

Д. Уэйнсток считает, что гражданин – это не подданный. Идея гражданства – это идея демократии. Государство прибегающее «управлять» с помощью авторитарного режима, не достигнет цели. Д. Уэйнсток уверен, что гражданская идентичность можно формироваться только в демократическом обществе [3].

На наш взгляд, более приближенным является определение А.Г. Асмолова, который видит «гражданскую идентичность» в осознании индивидом своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе, имеющий личностный смысл.

А.Г. Асмолов считает, что гражданская идентичность формируется в совокупности с этнической и общекультурной идентичностями [2].

Перед Россией с ее многонациональным, поликультурным, многоконфессиональным составом населения вопрос формирования гражданской идентичности стоит остро.

История показала, что переменчивость гражданской идентичности прямо пропорциональна политическим и экономическим переменам в стране и мире в целом.

В конце XX столетия Россия сталкивается с парадоксом: за 70-летним «отсутствием наций» страна сталкивается отсутствием объединяющей идеи, с необходимостью «выстраивать» гражданскую идентичность, в условиях полного отсутствия опыта. Образы, с которыми люди себя идентифицировали, потеряли ценность. Идентичность наших граждан можно было охарактеризовать как кризисная. Если до распада Советского Союза для граждан страны идея государства была важнее, нежели принадлежность этносу, то в постсоветском пространстве существенно изменился подход к вопросу этнического самосознания. История доказала, что этническое самосознание может стать серьезным конкурентом государственной или гражданской идентичности.

Исследователи отмечают, что российское государство недостаточно уделяло внимания на стимулирование людей к осознанию себя его гражданами.

Временами проявлялось критическое отношение граждан нашей страны к своему государству. В большинстве случаев это выражалось «равнодушием» граждан к своей стране и «безответственностью» государства к своим гражданам.

Долгое время в современной России не было простого понимания проблемы необходимости формирования гражданской и государственной идентичности.

Государственная идентичность – закрепление статуса гражданина страны, которая присваивается по праву рождения.

Исследовательские данные в наши дни позволяют сделать несколько позитивных выводов, а именно то, что общегражданская идентичность «россияне» принимается населением страны. И что немаловажно – по-

нятия гражданская и этническая идентичности не вызывает внутреннего конфликта, они одинаково приемлемы для многонациональной России, как взаимодополняющие друг друга.

За последние десятилетия в России изменилось само государственное сообщество, в результате всевозможных трансформации поменялось представление о государственных и этнических общностях. Власть впервые начала определять силы, на которые должна опереться при создании «образа России». Она предприняла усилия для формирования идентичности россиян через различные каналы.

В эпоху высоких IT-технологий информационное пространство выдвинулось на одну из самых важных ролей, остро стал вопрос о роли СМИ в формировании гражданского самосознания.

Информация стала ресурсом, который оказывает большое влияние на сознание «потребителей». Порой современные средства массовой коммуникации оказывают влияния больше, чем социальные институты.

Многие исследователи сегодня пришли к выводу, что на формирование идентичности современного человека происходит в основном под воздействием информационного окружения. Обладая большими ресурсами влияния на общественное мнение, средства массовой информации очень быстро превращаются в реальную власть во всех сферах жизни, включая сюда не только социальную и духовную область жизни, но и политическую. Имея такие рычаги в руках, средства массовой информации во всем мире воздействуют на формирование общественного мнения и «создание» личностного мировоззрения.

Влияние средств массовой коммуникации на сознание потребителя со всех сторон усугубляет и без того кризисное состояние современного общества. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования в области социологии и культурологии.

Полагаем, будет большой ошибкой, если рассматривать средства массовой коммуникации только как развлечение и не уделять ему должного внимания.

В настоящее время СМК (пресса, телевидение, радио и Интернет) оказывают на общественное мнение большое воздействие. Они являются средством доступа к знаниям и потому, не могут не влиять на воззрения потребителя информации.

Оценивая роль влияния средств информации и коммуникации, общественное сознание и формирование идентичности личности, то можно смело заключить, что массовая информация – это информация социальная, она отражает общественные процессы и служит цели управления обществом через управления людьми и в силу своей всеохватности способна формировать облик нового поколения.

Не секрет, что распределение жизненных приоритетов и форм поведения у человека формируется под воздействием информационного потока.

От степени знания систем средств массовой коммуникации и степени их воздействия может зависеть формирование гражданской идентичности. Так как СМК владеют специфическими инструментами влияния на массовое сознание, они могут манипулировать аудиторией, создавать «заказной» контент.

Большая часть населения подходит к процессу выбора информации неосознанно. Формирование идентичности таких людей происходит, в немалой степени, под влиянием СМК. Зачастую аудитория находит «готовую» информацию, которая «должна быть» услышана и усвоена.

История не раз доказала миру, что СМК может не только отражать происходящее, но и способствовать формированию определенных моделей поведения своего «клиента». В XXI веке к этому процессу присоединился такой мощный инструмент, как Интернет.

Роль Интернета как источника информации становится все заметней. Большая часть населения мира сегодня преимущественно погружена в Интернет. Если года 10 тому назад интернет-пространство считали молодежной информационной площадкой, то сегодня смело можно заявить, что население от 15 до 55 лет основном необходимую информацию получает или «создает» посредством Интернета.

Современное общество с помощью СМК создает уникальное информационно-коммуникативное пространство, объединяющие в социальные группы и общности. Не единичны случаи использования СМК в качестве «поля сражения» разных политиков и идеологов. При этом специфическое освещение событий может негативно влиять на аудиторию, возбуждать самосознания личности, как для благих целей, так и негативных представлений.

Средства массовой коммуникации не единственный источник знаний, но на сознание людей и представления людей о мире масс-медиа влияют больше, чем остальные источники.

Слово *media* («посредник») само за себя заявляет, что оно является связующим звеном между потребителем информации и объективной реальностью. У СМК есть четкая установка, что и как преподнести слушателю или читателю, который становится реальностью и частью опыта контент-потребителя.

Современные средства массовой коммуникации становятся действенным инструментом манипулирования, как общественного сознания, так и отдельного человека. Информационные технологии позволяют оформить контент таким образом, что могут вызвать бурную эмоциональную реакцию аудитории.

Потребитель ждет от СМК подтверждения своих взглядов на мир, приобретения знаний, образцов для подражания и, наконец, развлечения и отдыха. Масс-медиа готовы предоставить личности все чего он пожелает, это является его основной функцией. Тут все зависит от информационной культуры самого человека, от характера восприятия ими представленной информации.

Большая часть молодых людей подходит к выбору информации неосознанно. Они еще не накопили жизненного опыта, нет достаточного уровня образования.

Существует угроза «инфицирования» подрастающего поколения специально подготовленными псевдоинформационными материалами. Учитывая не подготовленность публики, СМК подносят красочно украшенную информацию, которая была разработана в качестве «удочки» для молодого, психологически неокрепшего индивида. СМК часто задают «брендовые» модели поведения и отношений к явлениям социальной жизни, которые могут не иметь ничего общего с реальной действительностью.

Степень доверия к медийным персонажам всегда была очень высока. СМК воспользовались этой «слабостью» своего «клиента» и стали проводниками «передовой» культуры, влияя на формирование ценностей и идентичности.

Современные люди огромную часть своей жизни проводят в «медиареальности», погрузившись в медиаобразы. Обретение своей идентичности в современном многополярном обществе для молодого человека (иногда и не совсем молодого) становится самым актуальным вопросом для выживания и адаптации.

СМК способны создавать реальность для потребителя XXI века и влиять на установки поведение людей, особенно молодого поколения. При помощи СМК у индивида появляется уверенность в собственной просвещенности или уникальности.

Очень трудно защититься от целенаправленного информационного потока, который поступает от всех средств массовой коммуникации. Создатели такого контента рассчитывают на отсутствие жизненного опыта своего «клиента». Во избежание такого рода «псевдоинфицирования» необходимо заблаговременно определить те формы гражданской идентичности и жизненные приоритеты, на которые следует ориентировать подрастающее поколение.

Поиск идентичности стал важным требованием выживания для молодого поколения, но его обретение осложняется манипулятивными технологиями СМК и сложившейся социокультурной ситуацией в современном многополярном и мультикультурном обществе.

В России происходят трансформации постиндустриального, информационного общества и это «требует» перестраивания общества и личностного содержания каждого жителя страны. Окружающий мир меняется очень быстро, системы ценностей разрушаются, что вызывает внутренний конфликт в понимании и восприятии «нового» мира. На главное место всплывает вопрос обретения идентичности – для молодого поколения, а для взрослого – строение «новой», адаптированной к современному миру идентичности на место разрушенной «старой».

Современные условия жизни предоставляет множество возможностей, постоянно вносят свои коррективы, человек оказывается вынужденным усвоить новые «правила игры», не всем удается адаптироваться к новым условиям. Отсюда депрессии, деструктивное поведение, которые стали спутниками жизни современного человека.

Вопрос снижения воздействия единого информационного пространства в условиях глобализации зависит от того, удастся ли нашей стране выработать собственную позицию в этом направлении. Картина сегодняшнего дня – конструирование информационными средствами механизма манипулятивного воздействия на бессознательное восприятие человеком мира, который формирует ту разновидность идентичности, на которую они «рассчитывают».

Процесс «глобализации» предлагает унификацию, а государственная, гражданская или же национальная идентичность сопряжена с сохранением определенной самобытности.

Исследователи советуют решать это вопрос за счет отождествления личности с этносом, религией, семьей, образом истории народа. Однако современного человека не удовлетворяют эти способы идентификации.

Современные информационные средства, используя специфический «инструментарий» вполне способны преобразовать восприятие мира и понимание жизненных ситуаций. Поэтому большое внимание нужно уделить обдуманно выстроенной информационной политике, где энергетика гражданина будет направлена по созидательному вектору.

В XXI веке – в эпоху цифровой информационной революции, все созидательные силы должны быть «включены» для обеспечения консолидирующей идеи, бережно продвигая этнокультурные ценности всех

народов страны, которые являются основными составляющими для формирования устойчивой государственной и гражданской идентичности.

Сегодня, когда глобализация ломает все границы и «приступила» к «переформатированию умов», появилась необходимость выстроить доверительные отношения между властью и народом.

Ученые психологии и социологии отмечают, что на формировании идентичности современного человека большое влияние имеет именно информационное окружение. Используя правильно продуманную информацию, можно достичь максимального эффекта воздействия на человека, влиять на осознанное распределение им жизненных приоритетов.

Формирование гражданской идентичности происходит под воздействием разных факторов. Среди них можно выделить общие составляющие такие, как: историческое прошлое, культура, язык, гражданское или национальное самосознание.

Основными средствами влияния на формирования гражданской идентичности подрастающего поколения и оказания воздействия на их сознание являются семья, образовательные учреждения, государство и СМИ.

Безусловно, при благоприятных условиях семья является первым источником получения тех ценностей, которые могут служить фундаментом для дальнейшего «строения» идентичности личности. Но на определенном этапе представления старшего и молодого поколения начинают во многом расходиться.

Молодое поколение начинает искать новые источники получения «надежной и верной» информации. Здесь ориентиры обычно падают на средства массовой коммуникации. Сегодня как никогда молодое поколение ищет «вдохновение» и новые знания именно в средствах массовой коммуникации.

Часто гражданская идентичность может формироваться неосознанно под влиянием разных источников информации. Информация может содержать, как необходимые составляющие культурных стандартов и ценностно-нормативных ориентиров, так и содержание на формирование негативные образа Российской Федерации [4].

Сегодня остро стоит вопрос воспитания у молодого поколения чувства патриотизма, формирования у них нравственных ценностей и мировоззренческих ориентиров.

Условиями формирования гражданской идентичности исследователи выделяют следующие факторы:

- осознание национальных и гражданских чувств;
- осознание своей личной гражданской принадлежности;
- сопоставление своей культуры с другими культурами;
- осознание своего места в стране как субъекта политической общности и признание необходимости межнационального взаимодействия.

Потребность в информации – это социальная необходимость, связанная с положением личности в обществе. Чем больше и разнообразней информация, тем конструктивнее проходят процессы обособления и общения личности.

Предлагаемая информация ориентирована на выполнение определенной «миссии» и организована таким образом, чтоб вызвать интерес у реципиентов к тем ценностям, которые «упакованы» в подаваемой информации. Часто такого рода информация подается в готовом «к применению» виде.

Сегодня, когда поток информации «захватил» все сферы жизни, у потребителя заметно повышается уровень информированности и знаний. У потребителя возникают иллюзии о достаточно высоком уровне собственных знаний и кругозоре. Но информация это фрагментарна и не систематизирована.

Часто знания, которые получает молодой человек посредством СМК, преследуют узкие интересы, и что опасно – они могут идти вразрез с интересами большей части населения.

Подытоживая вышеизложенное, можно заключить следующее:

1. Идентичность – это чувство принадлежности к определенной общности будь это народ, страна, религиозная группа, коллектив, национальность или же культуре, включая сюда, в том числе, религиозную веру и общественное движение.

2. Гражданская идентичность – это осознание индивидом своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе, имеющий личностный смысл.

3. Формирование гражданской идентичности это всегда процесс целенаправленный, осуществляемый в основном в политических целях.

4. Важная роль в процессе формирования гражданской идентичности принадлежит средствам массовой коммуникации.

Информационные средства – это мощный инструмент для воздействия, как на индивидуальное, так и на массовое сознание, которое напрямую влияет на формирование гражданской позиции пользователей.

Литература

1. Абдулатипов Р.Г. Судьба ислама в России: история и перспектива. Москва: Мысль, 2002. 320 с. ISBN 5-244-01001-8

2. Асмолов А.Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе. От действия к мысли: пособие для учителя. Москва: Просвещение, 2011. С. 151. ISBN: 978-5-09-025478-6

3. Водолажская Т. В. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5-6. С. 140 – 142.

4. Панарин И. Н. Информационная война и Третий Рим. Москва: НОУ ШО «Баярд». 240 с. ISBN 5-94896-009-9; [Электронный ресурс]. URL: http://blog-off.info/blog/view/politicheskij-blog-ot-obscheniya-do-verbovki (дата обращения: 20.07.2022)

5. Тишков В.А. Старые и новые идентичности [Электронный ресурс]. URL: http://www. valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/obrazy_rossii/starie-i-novie-i.html (дата обращения: 10.07.2022)

References

1. Abdulatipov R.G. Sud'ba islama v Rossii: istorija i perspektiva. Moskva: Mysl', 2002. 320 s. ISBN 5-244-01001-8

2. Asmolov A.G. Kak proektirovat' universal'nye uchebnye dejstvija v nachal'noj shkole. Ot dej-stvija k mysli: posobie dlja uchitelja. Moskva: Prosveshhenie, 2011. S. 151. ISBN: 978-5-09-025478-6

3. Vodolazhskaja T. V. Identichnost' grazhdanskaja. Obrazovatel'naja politika. 2010. № 5-6. S. 140 – 142.

4. Panarin I. N. Informacionnaja vojna i Tretij Rim. Moskva: NOU ShO «Bajard». 240 s. ISBN 5-94896-009-9; [Jelektronnyj resurs]. URL: http://blog-off.info/blog/view/politicheskij-blog-ot-obscheniya-do-verbovki (data obrashhenija: 20.07.2022)

5. Tishkov V.A. Starye i novye identichnosti [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www. valerytish-kov.ru/cntnt/nauchnaya_/obrazy_rossii/starie-i-novie-i.html (data obrashhenija: 10.07.2022)

Idrisova N.P., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate professor,

Dagestan State University

IMPACT OF THE INFORMATION FLOW ON THE CIVIL IDENTITY DEVELOPMENT

Abstract: in the XXI century, the world community faced the question of national identity and its place in the globalizing world. It would seem that nation-states should remain in the past. But history has prepared its own scenario for the development of geopolitical reality – the XX-XXI centuries can be called a period of nationalist rise in the world as a whole. It would be wrong to consider the time of aggravation of nationalism as a period of crisis of nations, when, starting from Europe to Indochina, including Arab countries, the world began to divide into nation-states. Over the past century, the number of nation-states has increased significantly, for example, one Yugoslavia broke up into six nation-states, and the Soviet Union – into 15 nation-states, including the Russian Federation.

The collapse of the USSR for Russia was a catastrophe of civic consciousness. In search of making up for the damage to Russian self-consciousness, domestic researchers tried to find the fundamental components of national identity in previous historical eras.

The article is devoted to the formation and development of civic identity and the influence of information and its carriers on the formation of personality and individual identity.

Keywords: information, communication, means of communication, media, globalization, citizenship, country, identity, nation, ethnicity, person, resources, manipulation, Internet

Мирзиева Л.Р., старший преподаватель,
Шайхутдинова Е.Н., преподаватель,
Йылмаз Э.Р., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Институт международных отношений,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

КОНФУЦИАНСКИЙ ПРИНЦИП ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ «ЧЖУН ЮН» КАК СРЕДСТВО МИТИГАЦИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ “不(太)+x”)

Аннотация: для всестороннего и глубокого понимания речевого поведения носителей китайского языка, в данной статье мы постарались главным образом проследить, какие культурно-исторические и идеологические факторы повлияли на мировосприятие и систему ценностей китайцев и нашли отражение в самом языке. Так, в результате анализа, авторы статьи выявили, что важнейшими факторами, регулирующими социальное и речевое поведение индивидуума в китайском обществе, являются принцип соблюдения золотой середины 中庸 «чжун юн» и гармонии 和 «хэ», а также представление о двух крайностях 过 «го» и 不及 «бу цзи». Помимо этого, мы постарались рассмотреть специфику выражения «чжун юн» через лексико-грамматическую конструкцию «不(太)+x». Нам удалось определить, что в различных бытовых ситуациях межличностного общения, китайцы как правило используют ее во избежание конфликта, чтобы смягчить негативный, критический тон высказывания. Главная мотивация участников общения заключалась в реализации потребности эффективной коммуникации. Учитывая митигативный эффект грамматической категории «不(太)+x», мы выдвинули предположение о том, что для достижения мира, гармонии и дружеской атмосферы общения принцип золотой середины «чжун юн» используется как стратегия митигации. Таким образом, идеи о срединном пути не только играют ключевую роль в традиционной китайской культуре, но и обладают значительной философской важностью и практическим смыслом.

Ключевые слова: китайский язык, межличностный дискурс, митигация, чжун юн, гармония, мьенцзы, китайские сериалы

Объект данного исследования – влияние и место принципа срединного пути 中庸 «чжун юн» в китайском языке. Основные положения идей «чжун юн» изложены в конфуцианстве и базируются на представлении о том, что индивидуум во всех своих действиях должен стремиться к золотой середине и избегать двух крайностей: 过 «го» и 不及 «бу цзи», что обозначает излишнее или недостаточное проявление в поступках человека.

Принцип «чжун юн» распространяется и на персональный дискурс и проявляется в воздержании от излишнего проявления эмоций, или, наоборот недостаточного их выражения [11]. Чтобы избежать трудностей во взаимопонимании, вместе с тем необходимо руководствоваться соответствующими речевыми тактиками, использовать подходящие языковые средства. При глубоком, тщательном рассмотрении привыч-

ных и обыденных на первый взгляд грамматических конструкций и слов в китайском языке, мы можем обнаружить в них влияние традиционных китайских представлений, в частности философии срединного пути, которые закладывают базис культуры общения, а именно гармоничного и продуктивного взаимодействия между коммуникантами.

В китайском межличностном дискурсе люди часто сталкиваются с ситуацией, когда им сложно разобраться в «весовой категории» − статусе собеседника, либо они не желают открыто выражать свое отношение к теме разговора или адресанту, тем самым негативно повлиять на взаимоотношения между коммуникантами общения, подставив под удар положительный образ о себе или о том, кому адресовано высказывание и проч. В этот момент говорящий старается с особой тщательностью подбирать вербальные средства выражения, прибегая к словам с нейтральной семантикой, поддерживать позитивную атмосферу разговора и сохранять коммуникативное лицо. Несомненно, такая модель речевого поведения универсальна для любого языка и культуры, при этом наиболее ярко проявляется в китайскоязычном дискурсе.

Очевидно, что знание и владение эффективными средствами коммуникации «с китайской спецификой» играет важную роль для построения дружеских контактов с носителями китайского языка. Этим и объясняется актуальность нашего исследования и стремление определить место принципа о золотой середине «чжун юн» в вежливой коммуникации китайцев и его митигативную роль на примере конкретных лексико-грамматических структур, таких как «不太+x».

Согласно конфуцианскому учению есть два нежелательных сценария межличностного общения: «переусердствовать» 过 «го» или, напротив, не достаточно реализовать себя в вежливой коммуникации – 不及 «бу цзи»[12]. Для решения этих задач операторы речи используют различные лексико-грамматические средства, в том числе конструкцию «不太+x». В её состав входят отрицательное наречие 不, качественный квантификатор 太 со значением «слишком» и качественное прилагательное/глаголы чувствования − x. При этом сочетание отрицания и наречия степени «不太» вместе дает значение «не слишком, не совсем», что позволяет нивелировать интенсивное проявление признака предмета или действия, тем самым реализовать принцип «чжун юн». Рассмотрим следующий пример (здесь и далее перевод наш):

— 但是我可正**不太**能保证，你这些都能被通过。因为我们的评估部门，会根据你的实际情况做一些项目的删减。

— 当然当然!我理解，就算你们能帮我全完成，我也活不了那么久。

— 心态还挺好。

— Однако я не могу дать полную гарантию, что заявку одобрят. Потому что наша комиссия может внести некоторые ограничения исходя из Вашего нынешнего состояния.

— Да, да, я понимаю! Даже, если ваша организация поможет в полной мере воплотить моё желание, мне не так много осталось.

— У Вас неплохой настрой!

В данном диалоге волонтер из благотворительной организации Луань Бинжань обсуждает с Юй Хуаньшуем, главным героем сериала, детали проекта помощи безнадёжно больным людям. Суть его состоит в

том, что они воплощают одно заветное желание участника программы. При этом, ресурсы их не безграничны, главным образом упираются в физическое состояние того, чью мечту они собираются претворить жизнь. Эту деталь Бинжань должна сообщить во избежание дальнейших недоразумений, но напрямую, в лоб она не может сказать этого, чтобы не задеть чувства Хуаньшуэя и не усугубить его подавленное психическое состояние. Поэтому, девушка использует конструкцию с «不太». Более того, использование данного средства коммуникативного смягчения позволяет адресанту обезопасить себя и организацию, которую она представляет, в том случае, если не удастся реализовать просьбу адресата. Так, ей удалось сохранить баланс между долгом, предупредив о неудачном завершении этого предприятия, и вежливым, человечным отношением к обратившемуся за помощью человеку.

Китайцы в своей речи заменяют слова с негативным оттенком менее категоричными и более позитивными с помощью 不太 «не (совсем)», благодаря чему устраняется всякая возможность угрозы лицу участников общения и соблюдается баланс принципа «золотой середины».

Так, по мнению многих китайских специалистов, «不(太)+x» («не + слишком/очень + прил./глагол») – одна из наиболее часто используемых митигативных структур в языке [14], поэтому, на наш взгляд изучение митигативных свойств «不(太)+x» в аспекте принципа золотой середины «чжун юн» и двух его главных категорий 过 и 不及 заключает в себе большую теоретическую значимость.

Материалом исследования послужили реплики и диалоги на китайском языке из сериала «我是余欢水» («Меня зовут Юй Хуаньшуй») [16]. Нами были использованы традиционные методы обзора и анализа, в частности дескриптивный, описательный лингвистический, индуктивный и эмпирический методы исследования.

Учитывая тот факт, что категория коммуникативного смягчения в межличностном дискурсе практически не рассматривалась в отечественной лингвистике, не говоря уже о вопросе влияния китайской культуры и идеологии на митигативное поведение языковой личности, а в китайском научном сообществе в отношении коммуникативного смягчения акцент делается на его социально-психологической функции, рассматривается с позиции поведения человека, а не как лингвистическая категория, данная статья обладает потенциалом внести хоть незначительный, но определенный вклад в понимание явления митигации в языковом общении, а также и осветить коммуникативное смягчение в непривычном для него научном свете – через древнюю китайскую философию.

На сегодняшний день в российской науке исследований, рассматривающих явление митигации на примере китайского межличностного дискурса нет, однако есть работы, изучающие вопрос вежливой коммуникации. В частности, Глушкова.С.Ю. рассматривая субкатегорию вежливости на примере китайского и английского языков, обнаружила важные лингвокультурные ориентиры, которыми руководствуются коммуниканты, взаимодействуя на китайском языке. Среди них уважительное и доброжелательное отношение к собеседнику, демонстрация почтительности и скромности, установление симпатии между собеседниками [2]. Пожалуй, одним из главных условий проявления вежливости по мнению исследователя является соблюдение норм лица «面子» мьенцзы. Несмотря на то, что феномен лица рассматривается и западными

учеными [10], воспринимается как одно из социокультурных понятий европейского общества, однако мьенцзы - сугубо национальное явление в Китае. Оно включает в себя не только репутацию, чувство собственного достоинства коммуникатов, но и свод правил, ритуалов, регламентирующих поведение и действие в той или иной ситуации общения [7].

Также, есть широкий пласт исследований, всесторонне изучающих вопросы митигации, стратегии и тактики ее реализации в речи. К ним относятся «Категория коммуникативного смягчения (когнитивнодискурсивный и этнокультурный аспекты)» С.С. Тахтаровой, «Митигативные стратегии и тактики политических интервью с германскими политиками» Каракуловой С.Ш., «Исследование новой лексической прагматики» Жань Юнпиня, «Conflict Facework Theory» Тинг-Туми и др. [9, 10, 14].

В китайском научном сообществе в отношении коммуникативного смягчения акцент как правило делается на его социально-психологической функции, не изучается как лингвистическая категория [15, 12, 13].

Последователи Конфуция считали, что правильное исполнение этикета 礼 «ли» и ритуалов поможет защитить общество от смуты и хаоса, включая соблюдение принципа «чжун юн». Придерживаться срединного пути в китайском языке – значит не впадать в крайности, уметь соблюдать баланс и найти максимально безболезненную точку для поддержания лица всех участников коммуникации. Благодаря этому в процессе речевого взаимодействия говорящий может избежать риска возникновения конфликта и устранить негативные последствия сказанных слов, тем самым реализовать коммуникативную цель.

Идеи о срединном пути нашли свое воплощение не только в философской концепции конфуцианства, но и в традиционной культуре и китайском национальном мировоззрении. Это неоценимый вклад в мышление и мировоззрение китайского народа, который привел к тому, что в повседневной жизни и в межличностной коммуникации китайцы руководствуются особым принципом золотой середины, более того «чжун юн» является доминирующим принципом достойного поведения в обществе. Например, в разговоре не должно быть недоговорок или чрезмерно прямого, открытого выражения мыслей. Участникам общения следует говорить обдуманно, оставлять место для маневра, чтобы иметь возможность уйти от нежелательной темы, сохранить свою репутацию и не навредить чувству собственного достоинства собеседника.

Для того, чтобы понять суть принципа «чжун юн», необходимо рассмотреть ключевые понятия, которые лежат в основе данной идеологии. Выше мы уже рассмотрели категории 过 «го» и 不及 «бу цзи». Другим важным принципом общественной организации согласно Конфуцию, является гармония, единение 和 «хэ», к которому приходят путем взаимопреодоления полярных интересов и мнений [6].

Примечательно, что в слове «чжун юн» иероглиф 中 «чжун» помимо «центральный, срединный» также имеет значение «мирный, гармоничный», что синонимично иероглифу 和 «хэ». Прямой потомок и внук Конфуция, главный последователь его учения − Цзыси, которому приписывают авторство трактата «Чжун юн», отмечал, что всему живому на земле отведено свое место и когда каждый действует в соответствии с этим законом и устанавливается гармония в Поднебесной и достигается золотая середина. Это перекликается с конфуцианским утверждением “君子**和**而不同, 小人同而不**和**” [4], которое гласит, что благородные мужья живут мирно, хоть и не равны, а низкие, недостойные люди равны, но между ними нет гармонии. Из чего следует вывод о том, что гармоничное сосуществование – отличительный признак цивилизованного

общества, при этом каждый из его представителей осознает, что единство в разнообразии и уважает индивидуальность другого.

Только находясь в состоянии гармонии «хэ» с окружающим миром личность может «обходить» нежелательные острые углы, которым, если представить их в виде точек на шкале степени демонстрации человеческих чувств, поведения, соответствуют уход в крайность «过» или, наоборот, не достижение нужного уровня «不及». Знание, как работают эти принципы, в том числе этикет 礼 «ли», в совокупности с самой идеей о золотой середине «чжун юн», помогают решать разногласия в обществе и в межличностных отношениях.

Конфуций говорил: «Воплощать гармонию в этикете – ценное» [5]. Здесь под «гармонией» подразумевается походящее, уместное поведение, а под «ценным» − важный, значимый. Китай − многонациональная страна и, только опираясь на гармонию, можно достичь единства между народами, ее населяющими, а в семьях будут царить порядок, мир и спокойствие. Под влиянием идей «чжун юн», китайцы издревле ценили и уделяли отдельное внимание гармоничной жизни в дружбе и согласии. Из этого следует, что восприятие гармоничного сосуществования как главного общественного принципа установления порядка и управления государством не теряет своей актуальности и сохраняется на протяжении тысячелетий.

Значимость «хэ» подчеркивал и другой китайский мыслитель Мэн-цзы. Так, он утверждал: «Небо не сравнится с землей, а земля не сравнится с гармонией между людьми» [11]. Если провести параллель с парадигмой о триединстве категорий «небо-земля-человек», то здесь гармония между людьми стоит во главе угла.

Гармония в обществе в первую очередь обозначает гармоничное общение между людьми. Если только все слои общества, а именно правящая верхушка и простой народ будут едины в своем стремлении, только тогда в стране будут долгосрочная стабильность и долговременный порядок. Так, в китайском языке есть большое количество слов и выражений, вобравших в себя традицию китайского народа почитания мирного сосуществования между жителями Поднебесной и состоящих из иероглифа 和 «хэ». Например, 和谐 «дружба», 和睦 «мир и согласие», 和好 «примириться», 和恰 «уместный», 和畅 «смягчать, успокаивать», 和顺 «безропотный», 谦和 «скромный и тихий», 和颜悦色 «доброжелательное (приятное) выражение лица», 和善 «дружелюбный», 和解 «мирно разрешать (конфликт)» и др.

Для всестороннего понимания механизмов работы «чжун юн» в персональном дискурсе необходимо также затронуть вопрос влияния принципа «хэ» на проявление лица в китайской вежливой коммуникации. К слову, важной частью самоидентификации у китайцев традиционно является их причастность к социальной группе, главным образом к семейному клану. Сознавая себя включенным в единую социальную цепь, индивидуум приобретает соответствующий набор поведенческих, языковых установок и статус, предписывающий руководствоваться определенными этическими правилами.

Позитивным следствием доминирования социального «лица» является то, что тем самым поддерживается порядок и каждый находится на своем месте, не нарушая церемониал и границы своей роли, а негативным − нивелирование индивидуального своеобразия, подчиненность внутренней жизни человека соответствию норм «лица». Общественные нормы и этика «лица» способствовали тому, что китайское личностное

«Я» оказывалось под постоянным прессом, выставлять себя и свои достоинства считалось поведением недостойным, а восхваление добродетелей других и умаление своих представлялось базовой линией поведения.

Владимирова Т.Е. в работе «Некоторые размышления о китайском языке, этике "лица" и конфуцианских принципах общения» отмечает преемственность этических правил в современном китайском межличностном дискурсе, которому характерны первостепенность «силы и практически полезного результата» [1].

Также, в «Размышлениях о китайской этике лица» автор говорит о том, что ориентация на внешнее проявление и следование коммуникативным трафаретам делает дружеское общение формализованным, лишая его искренности и равенства [1]. На наш взгляд, такая позиция не полностью соответствует действительности. Теплота и душевность приоритетны для китайцев, которые они демонстрирует в отношении близких и окружающих. Стоит им включить вас в поле «свой собрат», они будут относиться к вам с искренним уважением, доверием и добротой. Проблема лишь в том, что попадают в категорию «свои» далеко не все, такой статус нужно заслужить. И причиной тому – специфика картины миропонимания и исторический опыт китайцев.

Как бы то ни было, очевидно, что будь то в эмоциональном, либо прагматическом, официозном плане в межличностном общении китайцы руководствуются целью избежать описания подлинной картины происходящего или разговоров о тех вещах, о которых адресант не захочет услышать, что при поверхностном рассмотрении не имеет никакого отношения к срединному пути.

Используя конструкцию «不（太 ）+ x », говорящий руководствуется противным от «экстремальной» формы выражения принципом:

— 我**没太**紧张，我在注意他的刀。

— 你不怕死吗？

— 不怕。

— Я не так сильно испугался, мое внимание было направлено на нож.

— Вам не было страшно умереть?

— Нет.

В данной речевой ситуации Юй Хуаньшуэй на вопрос ведущей передачи о том, сильно ли он испугался, когда на него напали с ножом, отвечает неоднозначно. С одной стороны, он признается, что ему было страшно, но тот не был поглощен этим чувством, ведь нужно было приложить усилия, чтобы трезво оценить ситуацию и обороняться. С другой стороны, Хуаньшуэй не желает показаться трусом в глазах многомилионной публики, тем более сгущать краски, поэтому говорит о невысокой степени ощущения страха. Так, слова говорящего, звучат правдоподобно, скромно и не воспринимаются в негативном ключе, не режут слух тех, кто живет в парадигме «чжун юн» и «исповедуют» идеи о срединном пути.

Что касается квантификаторов степени, то можно выдвинуть предположение о том, что, если наложить ориентацию на золотую середину «чжун юн» на шкалу “кванторов” Э. Сепира [8], то «чжун юн» будет находиться на отметке «равный» или «зона норма», а 过 «го» и 不及 «бу цзи» расположатся на обозначении

«наиболее» и «наименее» соответственно. Между обозначениями «хороший» и «плохой» − двумя сторонами, границами это шкалы, прослеживается ясная параллель с категориями «инь» и «ян» как двумя противоположными полюсами. Все это на наш взгляд является плодотворной и важной темой для дальнейшего исследования и более полного понимания митигации в китайском языке.

Более того, о важности рассмотрения квантификаторов в конкретно данном языке говорит и Тахтарова С.С., подмечая, что «сама шкала градации и парадигма квантификаторов обусловлены не только возможностями конкретных языков, но и отмечены этнокультурной маркированностью, теми социально-этическими нормами и коммуникативными правилами, которые приняты в том или ином этносоциуме» [9].

Выше мы сделали попытку с философской, социальной, исторической и, главное − лингвистической точки зрения рассмотреть такой феномен китайской культуры как принцип срединного пути или золотой середины «чжун юн» в рамках вежливой коммуникации, что, учитывая тот факт, что в отечественной науке не рассматривалось, а в китайском научном сообществе упор делался на социально-психологической функции, то можно предположить, что в данной статье принцип «чжун юн» изучается в новом для себя свете, в качестве коммуникативного средства митигации и как лингвистический принцип.

Следует отметить, что на протяжении истории внутреннее содержание философии о срединном пути в Китае тоже менялось, что как раз и объясняет особую жизнеспособность этого явления в китайской культуре. Это включает в себя диалектику мысли и может использоваться не только для того, чтобы верно трактовать речь собеседника и избежать потенциальный конфликт, помимо этого, является теоретическим обоснованием конфуцианской идеологии, которая призывает к тому, чтобы люди освоили принцип соразмерности, владели чувством меры. В языке это реализуется через стремление говорить тактично и сдержанно, иносказательно - мысль не должна бросаться в глаза своей ясностью, а слова быть грубыми; нужно оставлять возможность коммуникантам варьировать в рамках диалога.

Несмотря на то, что в процессе межличностного общения китайцы нередко используют слова с отрицательной окраской, как бы то ни было, в количественном выражении они не превалируют над словами с положительным коннотативным значением. При этом такая тенденция не означает, что китайцам недостаточно критического мышления. На самом деле, в разговоре они то и дело затрагивают негативные, неудобные темы, но при этом никогда не выражают свои мысли в прямой, грубой форме, а изъясняются деликатно, стараясь предугадать как собеседник отреагирует на сказанные слова.

Литература

1. Владимирова Т.Е. Некоторые размышления о китайском языке, этике "лица" и конфуцианских принципах общения // Мир русского слова. 2004. № 3. С. 48 – 55.

2. Глушкова С.Ю. Лингвопрагматические аспекты категории вежливости в английсокм и китайском языках. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2019. 148 с.

3. Каракулова С.Ш. Реализация митигативной стратегии смягчения оценки в интервью с немецкими политиками // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 52 – 62. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-mitigativnoy-strategii-smyagcheniya-otsenki-v-intervyu-s-nemetskimi-politikami (дата обращения: 17.10.2021)

4. Конфуций Суждения и беседы "Лунь Юй". Пер.: А.Е. Лукьянов, В.П. Абраменко. М.: Изд-во: Шанс, 2021, 207 с.

5. Малявин В.В. Конфуций. М.: Молодая гвардия, 1992. 335 с.

6. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: АСТ, Астрель, 2003. 627 с.

7. Рунова А.Г. Модель социального управления в Китае // E-Scio. 2020. № 4 (43). С. 160 – 163.

8. Сепир Э. Статус лингвистики как науки II Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. 2-е изд. М.: Издательская группа "Прогресс", 2001. С. 259 – 265.

9. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивнодискурсивный и этнокультурный аспекты): дис. … докт. филолог. наук. Волгоград, 2010. 430 с.

10. Ting-Toomey S. Conflict Facework Theory // The Sage Encyclopedia of intercultural Competence / Ed. by J.M. Benett. 1st Ed. SAGE Publications, 2015.

11. 郭丹．《中庸》“中和”思想与儒家教化, 山东师范大学 2016 年硕士论文

12. 朱元富．英汉语言中的中庸思想印记, 楚雄师范学院云南楚 雄 师 范 学 院 学 报, 2007 年 第 5 期

13. 胡佳玲． 基于“面子理论”外交话语礼貌策略研究, 哈尔滨师范大学西语学院, 侨园 2020 年, 79 页

14. 冉永平．词汇语用探新[M]．北京：外语教学与研究出版社，2012 年，124-150 页

15. 付鸿军．语言礼貌研究概述，西安外国语学院学报 2000 年 3 月第 1 期

16. Сериал « 我 是 余 欢 水 » URL: [https://www.youtube.com/watch?v=LuONELdLVvo&list=PLe6kzjvDlTo5OvIDygdM5aAEzpr0AKnmd] (дата обращения: 01.07.2022)

References

1. Vladimirova T.E. Nekotorye razmyshlenija o kitajskom jazyke, jetike "lica" i konfucianskih principah obshhenija. Mir russkogo slova. 2004. № 3. S. 48 – 55.

2. Glushkova S.Ju. Lingvopragmaticheskie aspekty kategorii vezhlivosti v anglijsokm i kitajskom jazykah. Kazan': Izd-vo Kazan.un-ta, 2019. 148 s.

3. Karakulova S.Sh. Realizacija mitigativnoj strategii smjagchenija ocenki v interv'ju s nemeckimi politikami. Nauchnyj dialog. 2016. № 2 (50). S. 52 – 62. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-mitigativnoy-strategii-smyagcheniya-otsenki-v-intervyu-s-nemetskimi-politikami (data obrashhenija: 17.10.2021)

4. Konfucij Suzhdenija i besedy "Lun' Juj". Per.: A.E. Luk'janov, V.P. Abramenko. M.: Izd-vo: Shans, 2021, 207 s.

5. Maljavin V.V. Konfucij. M.: Molodaja gvardija, 1992. 335 s.

6. Maljavin V.V. Kitajskaja civilizacija. M.: ACT, Astrel', 2003. 627 s.

7. Runova A.G. Model' social'nogo upravlenija v Kitae. E-Scio. 2020. № 4 (43). S. 160 – 163.

8. Sepir Je. Status lingvistiki kak nauki II Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. 2-e izd. M.: Izdatel'skaja gruppa "Progress", 2001. S. 259 – 265.

9. Tahtarova S.S. Kategorija kommunikativnogo smjagchenija (kognitivnodiskursivnyj i jetnokul'turnyj aspekty): dis. … dokt. filolog. nauk. Volgograd, 2010. 430 s.

10. Ting-Toomey S. Conflict Facework Theory. The Sage Encyclopedia of intercultural Competence. Ed. by J.M. Benett. 1st Ed. SAGE Publications, 2015.

11. 郭丹．《中庸》“中和”思想与儒家教化, 山东师范大学2016年硕士论文

12. 朱元富．英汉语言中的中庸思想印记, 楚雄师范学院云南楚 雄 师 范 学 院 学 报, 2007年 第 5期

13. 胡佳玲． 基于“面子理论”外交话语礼貌策略研究, 哈尔滨师范大学西语学院, 侨园 2020年, 79页

14. 冉永平．词汇语用探新[M]．北京：外语教学与研究出版社，2012年，124-150页

15. 付鸿军．语言礼貌研究概述，西安外国语学院学报2000年3月第1期

16. Serial « 我是余欢水 » URL: [https://www.youtube.com/watch?v=LuONELdLVvo&list=PLe6kzjvDlTo5OvIDygdM5aAEzpr0AKnmd] (data obrashhenija: 01.07.2022)

Mirzieva L.R., Senior Lecturer,
Shaikhutdinova E.N., Lecturer,
Yilmaz E.R., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Kazan (Volga Region) Federal University

THE CONFUCIAN PRINCIPLE OF THE GOLDEN MEAN "ZHONG YONG" AS A MEANS OF MITIGATION IN THE CHINESE LANGUAGE (BY THE EXAMPLE OF LEXICAL AND GRAMMATICAL CONSTRUCTION “不(太)+x")

Abstract: for a comprehensive and in-depth understanding of the speech behavior of native Chinese speakers, in this article we tried mainly to find out which cultural, historical and ideological factors influenced the perception of the world and the value system of the Chinese people and have been reflected in the language itself. Thus, as a result of the analysis, the authors of the article revealed that the most important factors regulating the social and speech behavior of an individual in Chinese society are the principle of respect for the golden mean of 中庸 "Zhong yong" and harmony of 和 "he", as well as the idea of the two extremes of 过 "guo" and 不及"bu ji". In addition, we tried to consider the specifics of the expression " Zhong yong " through the lexical and grammatical construction "不(太)+x". We were able to determine that in various everyday situations of interpersonal communication, the Chinese tend to use it to avoid conflict, to soften the negative, critical tone of the statement. The main motivation of the communication participants was to realize the need for effective communication. Considering the mitigating effect of the grammatical category "不(太)+x", we put forward the assumption that in order to achieve peace, harmony and a friendly atmosphere of communication, the principle of the golden mean " Zhong yong " is used as a strategy of mitigation. Thus, the ideas of the middle way not only play a key role in traditional Chinese culture, but also have significant philosophical importance and practical meaning.

Keywords: Chinese language, interpersonal discourse, mitigation, Zhong yong, harmony, Mianzi, Chinese TV series